

Украина в едином этнополитическом пространстве России первой половины XVIII в. // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности / Московский общественный научный фонд. Межрегиональные исследования в общественных науках. М., 2001. Вып. 3. С. 151-167

Актуальность украинской проблематики в настоящее время продиктована, в первую очередь, отсутствием соответствующих научных исследований в период существования СССР. Лозунг «общности судеб всех восточнославянских народов» обязывал относиться ко всем проявлениям специфичности в их истории, как к чему-то вторичному и второстепенному. С другой стороны, возникновение новых независимых государств привело к началу формирования и новых национальных идеологий и переписыванию истории в соответствии с новым социальным заказом.

Украина занимала и занимает особое место среди бывших союзных республик, но ее роль определялась не только размером территории и уровнем развития экономики. Она относится к тем регионам, которые вошли в состав Российской империи, уже имея основы национальной государственности. Переяславское соглашение 1654 г., подписанное царем Алексеем Михайловичем и гетманом Богданом Хмельницким, предусматривало полное сохранение системы самоуправления украинских земель, а ограничения касались, в первую очередь, вопросов внешней политики. На протяжении последовавшего столетия функции гетмана неуклонно сокращались, особенно резко - после неудачного восстания гетмана Ивана Мазепы. Наконец во второй половине XVIII в. процесс включения украинских земель в единую структуру управления Российской империи в целом завершился: в 1764 г. был окончательно отменен гетманат; в 1775 г. – ликвидирована Запорожская Сечь; в 1781 – уничтожена полковая система самоуправления, тогда же было создано наместничество. К началу XIX в. сословная структура украинских земель была полностью приведена в соответствие с общероссийским образцом.

Вместе с тем нельзя согласиться с мнением современных украинских историков, которые однозначно оценивают инкорпорацию гетманата в структуру империи как «рабство» и «погибель». Во-первых, этот процесс не был полностью насильственным: украинская политическая элита – казацкая старшина – сама предпринимала шаги по сближению своего статуса с российским дворянством. Во-вторых, интеграция оказалась выгодна обеим сторонам, и не только с политической и экономической точек зрения. Значение «второго малороссийского влияния» для культурной жизни России общеизвестно, однако, не меньшее воздействие было оказано и на украинскую культуру, в т.ч. и политическую.

Становление политической идеологии представляет собой важную часть процесса формирования национального самосознания любого этноса. Возникновение собственно идеологических построений в современном значении этого слова в Западной Европе относится ко второй половине XVII в. Это было напрямую связано с расширением возможностей информационного обмена, что позволило объединить усилия отдельных политиков и ученых. Для Украины сходные условия сложились в первой половине XVIII в., уже в рамках Российской империи.

Современные украинские историки, политологи и этнологи постулировали существование особого типа украинской государственности, которая развивалась непрерывно, начиная с IX века. Утверждается, что в периоды отсутствия государственного суверенитета носителем национальной идеи стал сам украинский народ, что привело к формированию особых черт национального характера: «стремления к общественной свободе», «природного демократизма», «психологического неприятия народом деспотического характера центральной власти, любого насилия в сфере его личных и общественных прав»¹.

Официальная наука настаивает и на принципиальном различии между украинцами и русскими. «Общность исторических судеб» рассматривается скорее как результат насильственной ассимиляции со стороны России, которая препятствовала развитию самобытных черт украинской государственности. Позиция украинского общества оценивается как имманентно оппозиционная, а само общество – как принципиально инородное в системе социальных связей Российской империи. Таким образом, речь идет о том, что в рамках империи

существовал регион, в котором независимо от центра развивалась особая концепция национального развития, близкая западноевропейской или даже американской.

В настоящей работе рассматривается начальный этап формирования украинской национальной идеологии, датируемый концом XVII – второй третью XVIII в. Ведущим жанром политической публицистики в этот период были т.н. «казацкие хроники» или «казацкие летописи». Речь идет о компилятивных исторических трудах, созданных представителями политической элиты Левобережной Украины и имевших широкое распространение на протяжении всего XVIII и первой половины XIX в. Хроники Самуила Велички, Григория Грабянки, неизвестного автора, называемого «Самовидцем» (очевидцем) и «Летописец» семьи Дворецких были написаны в конце XVII – начале XVIII в.² В 30 - 50 гг. XVIII в. была составлена «Краткая история Малороссии», «Опис про Малу Россию» Г.Покаса, летопись генерального обозного Я.Е.Лизогубова и Черниговская летопись³. В 60-80 гг. появились «Краткое описание о козацком малороссийском народе» П.Симоновского, «Краткое историческое описание» И.И.Квитко⁴. В качестве сопоставительного материала также использованы летопись В.Г.Рубана, «Собрание историческое» С.В.Лукомского и анонимная летопись «Краткое летоизобразительное знаменитых и памяти достойных действий и случаев описание...»⁵, составленные немного позднее. Завершает этот ряд «История русов или Малой России» начала XIX в., приписанная архиепископу Георгию Конисскому⁶. Большинство перечисленных произведений пользовалось большой популярностью и распространялось в многочисленных рукописных списках.

Задачами настоящей работы являются:

- 1). Показать уровень разработанности структур этнического самосознания и категорий политической идеологии на украинских землях в первой половине XVIII в.
- 2). Уточнить роль России в процессе становления украинской национальной идеологии.
- 3). Охарактеризовать различия между российской и украинской моделями государственности.

Структура национальной идеологии состоит из двух взаимно пересекающихся плоскостей: многообразия философских, социальных, политических, религиозных и др. представлений о сущности и характерных чертах собственного этноса и из совокупности политических средств их реализации. Все это стало объектом рассмотрения при изучении вопроса об уровне проработанности категорий украинских социально-политических теорий конца XVII – второй трети XVIII в.

Осознание культурных и психологических особенностей своей этнической общности представителями украинской политической элиты отчетливо проявилось при разработке нескольких сюжетных линий «казацких летописей». Так этноним является одним из наиболее наглядных индикаторов этнической общности. Среди вариантов этнонимов наиболее употребляемым является «козачество»⁷. В ряде случаев казакам прямо приписывается особое, неславянское происхождение, например от скифов-саков. Речь идет о заимствовании из польской социально-политической теории XVI – XVII вв., получившей название сарматизм – шляхта, стремясь отделиться, в т.ч. и этнически, от рядового крестьянства, синтезирует миф о своем происхождении от скифских племен, что якобы доказывает ее «личное благородство» и право на особый статус в обществе. Немногочисленность таких попыток интерпретации истории казаков можно объяснить отсутствием реального соотнесения между происхождением представителей собственно казаческого сословия и остального украинского населения и очевидной близостью всех восточнославянских народов, игнорировать которую не представлялось возможным.

Согласно другим летописям, полукочевая военная жизнь способствовала складыванию общих черт психики и единых традиций у представителей различных народов: «Аще кто и Поляк бяше, си есть свободное воинство, яко без найму, своєю волею на татаре хожду»⁸ - и со временем сформировалась особая «казацкая» нация. Однако, признавая свободный характер рекрутации казацкого войска и отсутствие принципиального отличия казаков от остального населения, составители летописей сталкивались с проблемой обоснования собственных претензий на политическое лидерство. Характерно, что, хотя составители

летописей пишут историю собственно «козацкого народа», поиски его исторических корней интересуют далеко не всех летописцев.

При описании давно прошедших событий летописцы в большинстве случаев используют понятия «русьские люди», «руський народ», «русь», «русины», однако, в изложении современных сюжетов или в обобщениях появляются самоназвания «украинский народ» или «украина» как название нации. Другим вариантом являются понятия «малороссийский народ», «малороссийская нация». Эти термины в летописях не имеют точной привязки. В большинстве случаев они обозначают все население украинских земель, без учета сословной принадлежности и подданства. Иногда из состава «Украины» выделяется Запорожская Сечь: «зо всею Україною и з войском Запорозким»⁹. Чаще под «Украиной» понимается территория, которая в конце XVII – начале XVIII входила в состав Российской империи, т.е. исключая Галицию и Волынь, хотя этническая принадлежность этих последних не подвергается сомнению¹⁰. Понятие «малороссийский» также не имеет точно определенного смысла¹¹. Разительное исключение составляет летопись Квитки, в которой он последовательно называет левобережье Днепра «Малой Россией» и его население «малороссиянами», а «Украиной» и «украинцами» – только Правобережье и его жителей, указывая, что эти земли получили свое название от поляков¹². Когда-то оба берега Днепра входили в состав единого древнерусского государства, и вместе составляли «Малую Россию»¹³.

Множественность этнонимов, используемых составителями летописей, свидетельствует о глубинных изменениях в этническом самосознании украинской политической элиты. Фактически можно выделить три пласта ментальности. Самый старый, восходящий к древнерусской государственности, не претерпел серьезных изменений в период существования Украины в составе Речи Посполитой. Однако, если самоназвание «русь», «русьские» обладало достаточным этнодифференцирующим смыслом в условиях польского государства, после вхождения в состав Российской империи оно в значительной мере утратило это значение. «Русские» или «русьские» начали терять этническую идентичность в среде «русских» или россиян. Именно поэтому понятия «руський народ» и сходные конструкции упоминаются только в отношении событий до конца XVI в.

Неслучайно и на современном этапе украинские историки предпочитают не использовать даже термины «Древняя Русь» и «древнерусский», но говорят, например, о «древнейшей истории Украины», что выглядит явным анахронизмом¹⁴.

Второй уровень ментальности включает идеологемы польского происхождения. Следует отметить как попытки творческого переосмысления сарматской теории, так и незначительный удельный вес этих усилий. С одной стороны, в XVIII в. Речь Посполитая еще не утратила своего политического значения, с другой – перипетии вооруженного противостояния XVII в. были еще свежи в памяти; и польские социально-политические теории также не могли стать источником, питающим этническое самосознание украинцев. Наконец, третий пласт представляет собой попытку найти для Украины особое место в составе Российской империи. Равнозначность и неопределенность понятий «украинский» и «малороссийский» указывают на то, что этот процесс находился в своей начальной стадии.

Другим этноинтегрирующим компонентом национальной идеологии является образ «мы» или «свои». У авторов казацких летописей нет четкого представления о том, кто является «своим», а кто «чужим». Среди «своих» чаще всего упоминаются рядовые казаки, особенно население Правобережной Украины, оставшееся под властью Польши. Второе место в различных летописях занимает крестьянство, что скорее указывает на незавершенность процессов социальной стратификации в украинском обществе XVII – XVIII вв., чем на формирование единого национального самосознания. Консолидация правящего класса и стремление к позитивной оценке своей группы заметнее при описании действий конкретных представителей различных сословий. Простые крестьяне в летописях чаще всего называются «посполитыми», «мужиками» или «чернью». Следует, однако, подчеркнуть, что точка зрения советской историографии, согласно которой, летописи создавались для обоснования экономических и политических притязаний казацкой старшины, утверждавшей себя в качестве феодального землевладельца¹⁵, представляется излишне прямолинейной и не отражающей сложности ситуации. В действительности, в летописях рядовое казачество и крестьянство могут характеризоваться и как достойные презрения «чернь и

мужики», и как «братья», причем нельзя сказать, что существует какая-либо закономерность в оценках. Нет оснований также и говорить о принципиальном, «природном» «демократизме» украинцев. Хотя в летописях часто упоминается «народное благо» и «народ», этот последний рассматривается как некая абстракция, без учета существовавшего сословного членения общества. Характерно, что летописи начала XVIII в. более адекватны в передаче социальных реалий того времени. Но в любом случае, ни о каком равенстве или демократии речь идти не может.

При характеристике черт национального характера важнейшее значение приобретают категории, относящиеся к т.н. «архетипам сознания» - представления о «великих временах», «великих правителях» и вообще «героях» украинского народа. В описаниях великих правителей и национальных героев можно выделить два параллельно существующих круга представлений. Более ранний связан с упоминавшимся выше «сарматским этосом», важнейшее место в котором занимали рыцарские добродетели - личное мужество, военное искусство, верность слову и сюзерену и благочестие. Все эти черты упоминаются при характеристике украинских политических деятелей XVI и первой половины XVII: князя Константина Константиновича Острожского, гетмана П.Конашевича-Сагайдачного, митрополита Петра Могилы и, в меньшей степени, гетмана Богдана Хмельницкого. Негативными чертами при характеристике политического деятеля считались корыстолюбие и жажда власти. В погоне за деньгами и гетманской булавой представители верхушки забывали об интересах казачества и всего народа: «А то тепер идет (война) за лакомство многих и частых гетманов, которые сами хотят быть властителями Украины»¹⁶. Другими принципиально важными негативными характеристиками становятся непредсказуемость поведения и «своеволие».

Однако со временем в казацких летописях появляются и новые мотивы. Развитие идеологических воззрений проявилось в акцепции идей Просвещения, и при характеристике политических лидеров на первый план выходят совершенно иные черты. В законченной форме просветительские тенденции проявились уже в конце XVIII в. Так, описывая деятельность гетмана князя Дмитрия Вишневецкого, автор «Истории русов» утверждал, что тот «славился гражданскими

добродетелями, поправлял разоренные города и публичные здания, наблюдал за правосудием и правлением земских и городских урядников, возбуждал народ к трудолюбию, торговле и хозяйственным заведениям, и всякими образами помогал ему оправиться после разорительных войн; и за все то был почтен отцом народа»¹⁷. Единственный национальный герой второй половины XVII в., гетман Б. Хмельницкий становится, в первую очередь, мудрым государственным деятелем, радеющим о процветании Украины и «всего козацкого народа»; высокообразованным и высококультурным главой политической элиты общества.

Смысловая нагрузка образа Богдана Хмельницкого в украинской политической идеологии необычайно велика, что связано с отсутствием национальных «великих правителей». Древнерусские великие князья не вполне подходили для этой роли, поскольку опять-таки не обеспечивали необходимой этнической дистанции от великороссов, а удельные галицко-волынские не были настолько масштабными фигурами, чтобы соперничать с выдающимися европейскими и российскими монархами. Затем украинские земли вообще потеряли государственный суверенитет. В какой то мере этот пробел заполнила собой фигура польского короля Владислава¹⁸. Как и в середине XVII в., казачество мифологизировало и идеализировало его образ, считая этого монарха истинным заступником всего православного населения Речи Посполитой. Практически все летописцы упомянули о королевской грамоте гетману Барабашу, в которой он якобы оправдывал сопротивление казаков насилию шляхты: «Если де жолнере есте, шаблю имеете, и кто вам за себя стать воспящет»¹⁹. Один из летописцев даже выдвинул версию о том, что из-за этого письма поляки еще при жизни Владислава избрали себе королем его брата Яна Казимира, и от горя Владислав умер²⁰. Самовидец видел в смерти Владислава Божий Промысел, который не допустил, чтобы «щастливый» польский король застал восстание Хмельницкого²¹. После Переяславского соглашения функции «отцов народа» переходят к российским монархам.

То, что трансляция идей Просвещения шла через российскую политическую элиту, подтверждает тот факт, что именно к ней, в большинстве своем, применяются новые стереотипные характеристики. Российские цари и императоры описываются в категориях, присущих любому «просвещенному» монарху, даже в

тех случаях, когда их поступки объективно шли вразрез с национальными интересами Украины. То же можно сказать и в отношении российских сановников, действовавших на территории гетманата или имевших возможность влиять на малороссийские дела. В отношении земляков составители казацких летописей используют более традиционные характеристики²². Вплоть до начала XIX в. вообще отсутствуют какие-либо сравнения и аналогии с иностранными государствами: примеры «правильных» форм правления, государственного устройства, внутренней и внешней политики и т.п. Необходимо особо подчеркнуть, что представители украинской элиты были знакомы с западноевропейской политической публицистикой; но воспроизводили, тем не менее, российский образец.

Восприятие авторами летописей происходивших в украинском обществе перемен являлось глубоко пессимистичным. Летописцы единодушно считали «золотым веком» казачества период до середины XVII в., пока сохранялись черты древнего общественного устройства. Система казацкого самоуправления во многом идеализировалась и считалась полностью соответствующей интересам всего украинского народа. Обращение к событиям времен «казацкой вольницы» для авторов середины XVIII в. стало и возможностью обсудить вариант государственного и общественного устройства, отличный от современной им России. Казачество формировалось стихийно и в начальный период своего существования строилось на идеальных, с точки зрения летописцев, началах. Предки казаков соблюдали умеренность в пище и одежде, вели общее хозяйство, в их среде отсутствовали бытовые преступления. Они сами избирали себе главу и глубоко его уважали, но случаи превышения любым должностным лицом своих полномочий могли закончиться самосудом.

Категория свободы в идеологических схемах XVIII в. носит амбивалентный характер. С одной стороны – это свободолюбие и неприятие всякого насилия. В этом значении эта черта национального характера в большей или меньшей степени присуща всем представителям украинской нации. Свободолюбие было традиционно позитивно оцениваемой характеристикой еще в Речи Посполитой XVI-XVII вв. Обратной его стороной называется своеволие. Это понятие достаточно расплывчато. Своеволье проявляется в непризнании законной власти –

короля, гетмана, владельца крестьянина. Понимание законности-беззакония в разных летописях не совпадает, то, что оценивается как преступление в одних, в других – проявление доблести. Однако всегда существует определенный моральный кодекс, нарушение которого должно караться.

Мотив «своеволия» является чрезвычайно важным для понимания процессов, происходивших в украинском обществе в первой половине XVIII в. Личная инициатива и самостоятельное принятие решений считаются позитивными качествами только применительно к прошлому казачества, на смену им приходят законопослушность и ожидание справедливости от властей. Практически все упреки в своеволии относятся к крестьянству или к рядовому казачеству; напротив, казацкая старшина, в большинстве своем, характеризуется как законопослушная. Отсутствие единых представлений о законе и беззаконии даже в среде политической элиты свидетельствует о том, что процесс формирования правового сознания находился еще в начальной стадии.

Наконец, следует отметить, что влияние российской национальной идеологии проявилось и в исчезновении традиционных украинских этнических маркеров. Так перестали быть актуальными и этноинтегрирующими православие и языковая общность. Сложнее обстоит дела с антисемитизмом. Указания на казацкий антисемитизм середины XVII в. является общим местом во всех исторических исследованиях данного периода. В перечень обид, наносимых евреями украинцам с попустительства поляков, входят, в первую очередь, незаконное увеличение податей со стороны евреев-арендаторов. Другим фактом, вызывавшим резкие протесты православного населения, были передача евреям в аренду церквей и возникавшие в связи с этим затруднения в отправлении богослужения и треб. Наконец, озлобление вызывало занятие евреями ростовщичеством, от чего страдали также и казаки.

Летописи середины XVIII в. опускают причины недовольства казаков евреями, вследствие чего редкие и лаконичные сведения об избиении «жидов» становятся не вполне понятными²³. В ряде сочинений антисемитские выступления казачества середины XVII в. вообще не упоминаются. В позиции авторов летописей прослеживается все большее желание дистанцироваться от действий казацкого войска. К середине века казацких летописцев никоим образом нельзя

упрекнуть в ненависти к евреям. За неполные сто лет иссякает весь пафос борьбы. Среди причин столь разительной перемены можно указать, во-первых, изменение социального статуса самой казацкой верхушки и, соответственно, ее взглядов на вопросы кредитования, взимания арендной платы и т.п. Во-вторых, антисемитизм являлся маргинальной темой для российской социально-политической мысли, и развитие этой темы шло бы вразрез с наметившимися тенденциями к сближению украинской и великорусской политической элиты.

Рассматривая проблемы, связанные с проявлением антироссийских настроений в казацкой среде, следует оговориться, что летописи XVIII в. не могут обеспечить полной картины. Их авторы занимали достаточно высокое положение в обществе, и любое явное проявление недовольства или критика грозили обернуться для них серьезными последствиями. К открытому же сопротивлению политике царизма представители казацкой старшины и не стремились.

В летописях XVIII в. население России чаще всего именуется «москвой», что является проявлением достаточно старых этнополитических стереотипов. Среди других вариантов встречаются «московская нация»²⁴ и «москали» (без уничижительного оттенка). Родство россиян и украинцев в целом сомнению не подвергается, однако, упоминается об этом вскользь, не акцентируя внимание. Объясняя причины феодальной раздробленности и перехода украинских земель под власть Польши, Грабянка считает, что это произошло по вине самих русских князей. Вследствие «похотей» (грехов) «во уничтожение Российский скипетр тако пришел, яко от царствия во княжение, а от княжения в воеводство пременися»²⁵, а потому раздельное государственное существование украинцев и русских вполне естественно. Разительный контраст составляет выраженная промосковская ориентация летописи Квитко, которая открывается заявлением об историческом праве России на украинские земли: «Малая Россия есть часть Российского государства, заключающая в себе древние Российские княжества... Государи Российские многократно имели попечение освободить свои области из рук чуждых, но тщетно»²⁶.

Оппозиционность авторов казацких летописей может проявляться в интерпретации отдельных эпизодов истории России и истории российско-украинских взаимоотношений. Яркий пример тому находится в сочинении

Самовидца. Описывая дворцовые интриги после смерти царя Алексея Михайловича, повествователь выставляет царицу Наталью, мать Петра I, в крайне неблагоприятном свете, и даже обвиняет ее в отравлении своего пасынка царя Федора Алексеевича, “который великую любовь до нашего народа мел”²⁷. Рассказ о московских смутах 70-80 гг. XVII в. явно проецируется на события более позднего времени и позволяет реконструировать отношение летописца к деятельности Петра.

Более сдержаны высказывания летописцев по поводу перехода Богдана Хмельницкого под покровительство России. Хотя общим местом является упоминание о всеобщей радости, охватившей весь украинский народ при получении этого известия, можно указать и на некоторые нюансы. Говоря о подготовке Переяславской Рады, Самовидец в слегка завуалированной форме дает понять, что московские послы убеждали Хмельницкого изменить своему законному монарху, польскому королю, и гетман пошел на предательство²⁸. Симоновский, указывая на причины украино-российского союза, утверждает, что Хмельницкий выбирал покровителей для Украины, руководствуясь соображениями ее безопасности, и просто счел Россию более предпочтительным вариантом по сравнению с Османской империей²⁹. Летописец приводит и многочисленные трения между казаками и царским правительством, в частности по вопросам статуса Украины в русско-польских контактах. Другим важным показателем истинной оценки Переяславского соглашения в концепции украинских летописцев является подробное описание условий, на которых состоялось вхождение Украины в состав России. «Артикулы» Хмельницкого, подтвержденные московским царем, выступают важнейшим аргументом законности притязаний казацкой старшины на особые «права и вольности». Характерно, что только Квитко не передает содержания «Артикулов» и не упоминает о них при каждом удобном случае.

В наиболее лояльной редакции позиция летописцев сводится к последовательному отказу от рассмотрения спорных проблем или к воспроизведению официальной точки зрения по ним. При этом обращает на себя внимание предельная сухость и подчеркнута казенный язык, которым излагается предмет, либо же лакуны в изложении выглядят несколько нарочитыми. Среди других проявлений скрытой оппозиционности составителей казацких летописей

можно назвать перечисление «обид», нанесенных царским правительством казакам и украинскому народу, обычно не сопровождаемое прямой авторской оценкой и внешне имеющее вид объективной информации.

Осторожная критика в адрес царского правительства чаще состоит в сетованиях на «несчастную судьбу» украинского народа, «немилосердие» властей и волю Божию. Важнейшим исключением из этого правила является эпизод с разгромом Батурина (резиденции Мазепы). Жестокость, проявленная русской армией, произвела большое впечатление на украинскую общественность, и даже наиболее лояльные авторы были вынуждены оправдывать действия властей³⁰. Вместе с тем летописцы постоянно подчеркивают общую покорность украинского населения воле царя. Среди причин этой лояльности в числе первых всегда называется православная вера (измена государю «богопротивна»), другим объяснением служит законопослушность украинцев как национальная черта характера. Все антигосударственные выступления казачества были спровоцированы несправедливыми и незаконными действиями властей (либо в них участвовали только «бунтовщики» и отщепенцы). Составители летописей исключительно редко прямо говорят о репрессиях, как инструменте государственного управления.

Вопрос об отношении к «Москве» тесно переплетается с проектами будущего государственного устройства Украины. Рассматривая этот второй пласт формировавшейся украинской национальной идеологии, следует отметить полное отсутствие идеи установления государственного суверенитета, идеи национального государства. Идеологи казацкой старшины претендуют либо на формальный протекторат другого государства при широком самоуправлении казачьих полков, либо на политическую автономию в составе другого государства (Российской империи). С другой стороны, отсутствуют и планы только культурной автономии, которая не затрагивала бы политическую сферу.

Идеальные взаимоотношения общества с государством описываются в летописях в нескольких вариантах. Первый – это минимальное вмешательство или формальный патронат, которым пользовались казаки в Речи Посполитой до конца XVI в.: «Поляки же ни до них самих (казаков - С.Л.), ни до их земель кои им от королей наданы были, ни какова дела не имели, и в правление их никогда не

мешались»³¹. Так Самовидец не видит особой разницы между патронатом Польши и России, однако, выступает за последовательность в решении этого вопроса и осуждает метания из стороны в сторону. Вместе с тем, составитель летописи категорически выступает против протектората Османской империи, осуждая самые намерения заключить подобный союз. Самуил Величко равным образом осуждает излишне активных сторонников союза как с Польшей, так и с Россией, хотя, в целом, он отвергает возможность самоуправления украинских земель.

После правления Петра I стало очевидно, что возвращение к «старым добрым временам» невозможно, и большую популярность получил другой вариант государственного устройства Украины, основывающийся на положениях договора Богдана Хмельницкого и царя Алексея Михайловича. Главными статьями считались сохранение гетманства и привилегий казацкой старшины, а также особое положение казацкого войска. Для авторов казацких летописей по возможности полное соблюдение этих условий – залог самостоятельности и правильного направления развития украинского народа: «А гды бы знову вси у единой купи на постановленю Хмельницком и на его статях едностайне будем зостават под високою и крепкою рукою царского пресветлого величества..., господь бог нас будет благословити и во всем покой будем мети»³². Г.Грабянка подчеркивал необходимость соблюдения пунктов договора Богдана Хмельницкого, хотя он и последовательно придерживался московской ориентации. Полное уничтожение автономии Украины, по его мнению, приведет к «игу московского самодержавства»³³. Г.Покас считает, что уничтожение вольностей и привилегий украинского народа равнозначно его «искоренению». П.Симоновский также подчеркивает, что Украина не была завоевана, а потому Россия должна соблюдать условия Переяславского договора. Примечательно, что подобные высказывания казацких летописцев середины XVIII в. полностью совпадают с программой сторонников гетмана И.Мазепы: точное соблюдение положений «Богдановых статей», формальный патронат другого государства (Швеции), реальное самоуправление, свободные выборы гетмана при полном соблюдении старинных прав и привилегий старшины³⁴. Таким образом, следует признать, что основное различие между радикальным и умеренным крылом украинской политической элиты является не разница взглядов, а различие в способах их реализации.

Сохранение «целости Украины» понимается весьма разнопланово – от административного единства до соблюдения старинных прав «всего украинского народа». Ни один из проектов не предполагал ни территориального расчленения украинских земель, ни присоединения новых, например, завоеванных у татар. С другой стороны, в летописях отсутствует четкое представление о границах расселения украинского этноса, и, следовательно, границах автономного образования. Автономия, в первую очередь - это самоуправление казачьих полков, возглавляемых гетманом. Гетман и его власть воспринимались как персонифицированное олицетворение свободы Украины, особенно наглядно эта тенденция проявилась со второй трети XVIII в., после отмены гетманского правления Петром I. Интересно, что составители летописей выступали за сохранение именно символического значения поста гетмана, поскольку их реакция на попытки реформ с целью усиления его реальной власти, предпринятые последним гетманом К.Разумовским, была негативной.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что уровень интеграции украинской политической элиты в общегосударственную жизнь невелик. Практически отсутствует понимание сходства национальных интересов России и Украины. Территориальные приращения, рост международного авторитета, достижения науки и культуры, наконец, развитие экономических связей вообще не упоминаются в летописях. Строительство Петербурга и судоходных каналов – это лишь тяжкая и не вполне законная повинность, наложенная властями чуть ли не с целью истребить казачество. Составителей хроник не интересуют достижения Российской империи даже в тех направлениях, которые могли бы казаться привлекательными для них лично – например, обеспечение безопасности южной границы или возникновение новых возможностей для улучшения своего благосостояния.

Объяснение этого факта может быть двояким. С одной стороны, наиболее инициативная и конформистски настроенная часть старшины осознала положение Украины как провинции и потянулась в центр, в средоточие власти империи. Уже там она влилась в состав российской политической элиты, в значительной мере утратив черты своей этнической идентичности и разорвав связи с земляками. Попытки центральной власти вернуть эти кадры в регион и таким образом

укрепить свои позиции особого успеха не имели. С другой стороны, средоточие интересов казацкой старшины заключалось в уравнении политических и имущественных прав общегосударственной и украинской политических элит: лозунг, который так и не был реализован в границах Речи Посполитой. Петербург пошел на унификацию сословного статуса только во второй половине XVIII в., после полного уничтожения политической автономии Украины, что не могло не вызывать определенной досады и ностальгии. Следует отметить и еще один аспект проблемы. Поскольку российское законодательство предлагало юридические формы, заметно опережавшие требования самой старшины в этой области, моральная ответственность за проведенные реформы и ухудшение положения основной части населения легла на имперские власти.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во второй половине XVIII в. происходит ослабление этнодифференцирующих признаков, отделяющих украинцев от русских. Это сближение отчетливо проявилось и в процессе формирования национальной идеологии. Хотя украинская модель государственности, в отличие от российской, была последовательно национальной и жестко связанной с военно-сословной структурой общества, она могла быть интегрирована в общеимперскую идеологию в качестве составной части. Вместе с тем, существовавшие центробежные силы в значительной мере подпитывались политикой самих имперских властей, полностью отменявшие различия между двумя народами и моделями государственности.

¹ Основы этнодержавознания. / Ред. Ю. Римаренка, К., 1997, с. 195, 200.

² Величко С. Летопись событий в Юго-западной России в XVII веке. К., 1848-1864, 4 т.; Грабянка Г. Действия презельной и от начала поляков кровавой небывалой брани Богдана Хмельницкого гетмана запорожского с Поляки за найяснейших королей польских Владислава, а потом и Казимира, в року 1648 отправатися начатой и за 10 лет по смерти Хмельницкаго неоконченной, с розных летописцев и из диариуша, на той войне писанного... року 1710. К., 1854; Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. К., 1878; Мыщик Ю.А. «Летописец» Дворецких – памятник украинского летописания XVIII в. // Летописи и хроники. М., 1984, с. 219-234.

³ Краткое описание Малороссии. // Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. К., 1878, с. 209-321; Покас Г. «Опис про Малу Росию». // Горбань М. Нариси з історії української історіографії. Харків, 1923, ч.1; Летопись или описание краткое знатнеших действ и случаев, что в котором году деялось в Украине малороссийской обеих строн Днепра и кто именно когда гетманом был козацким (Лизогубовская летопись). // Сборник летописей. Относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданных временною комиссиею для разбора древних актов, состоящею при киевском, подольском и волынском генерал-губернаторе. К., 1888, с. 1-70; Летописец в русских и полских що ся деяло странах и якого року (Черниговская летопись). // Южнорусские летописи, собранные и изданные Н.Белозерским. Т.1, К., 1856.

- ⁴ Симоновский П. Краткое описание о козацком малороссийском народе и о военных его делах, собранное из разных историй иностранных, немецкой – Бишенга, латинской – Безольди, французской – Шевалье и рукописей русских. М., 1847; [Квитка И.И.] Краткое историческое описание о Малой России до 1765 г с дополнением о Запорожских Козаках. М., 1848.
- ⁵ Рубан В.Г. Короткое описание Малыя России. СПб., 1777; Лукомский С.В. Собрание историческое. // летопись Самовидца по новооткрытым спискам. К., 1878, с. 321-374; Краткое летоизобразительное знаменитых и памяти достойных действий и случаев описание. // Южнорусские летописи, собранные и изданные Н.Белозерским. Т.1, К., 1856, с. 45-106.
- ⁶ Конисский Г. История русов или Малой России. М., 1846. Это произведение, внешне сохраняющее форму казацких хроник, наполнено принципиально иным содержанием и принадлежит уже к другой культурной традиции, эпохе Просвещения.
- ⁷ В летописях «козак» и другие однокоренные слова последовательно пишутся через «о»; согласно современным нормам русского языка следует писать «казак» и т.д. Украинский вариант правописания, даваемый в кавычках, призван подчеркнуть именно этнический компонент украинского казачества.
- ⁸ Грабянка, с. 19. Аналогично см. Краткое описание Малороссии. // летопись Самовидца по новооткрытым спискам. К., 1878, с. 213.
- ⁹ летописец в русских и польских що ся деяло странах и якого року (далее - Черниговская летопись). // Южнорусские летописи, собранные и изданные Н.Белозерским. Т.1, К., 1856, с. 23.
- ¹⁰ Величко С. летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Т.1, К., 1848.
- ¹¹ См. у Симоновского: «...Малороссийское казацкое отечество», - применительно ко всей территории Украины (с.11).
- ¹² [Квитка И.И.] Краткое историческое описание о Малой России до 1765 г с дополнением о Запорожских Козаках. М., 1848, с.4.
- ¹³ Там же, с.1.
- ¹⁴ Интересно, что составители летописей XVIII в. шли другим путем: они последовательно писали о великорусах как о «россиянах» и не применяли к ним понятия «русские».
- ¹⁵ См. например, Литвиненко М.А. Джерела історії України XVIII ст. Харків, 1970.
- ¹⁶ Мыщик Ю.А. «Летописец» Дворецких – памятник украинского летописания XVIII в., с.233.
- ¹⁷ История русов или Малой России, с. 14.
- ¹⁸ См. работу Б.Н.Флори У истоков легенды о королевиче Владиславе. // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. ПРОСФОННМА. Історичні та філологічні розвідки, присвячені 60-річчю академіка Ярослава Ісаєвича. Львів, 1998, с. 649-654
- ¹⁹ Краткое летоизобразительное знаменитых и памяти достойных действий и случаев описание. // Южнорусские летописи, собранные и изданные Н.Белозерским, с.59.
- ²⁰ Там же, с. 61.
- ²¹ летопись Самовидца, с.16.
- ²² Данное утверждение одинаково верно и в том случае, когда политик вызывал и уважение (например, кн. Б.П.Шереметьев и гетман П.Полуботок – в летописи Симоновского), и ненависть (кн. А.Д. Меньшиков, гетман И.Самойлович – в Лизогубовской летописи).
- ²³ «Того ж року Кривонос... в Бару всех ляхов и больше девятнадцати тысяч жидов выбил» – Лизогубовская летопись, с.8, аналогично подается материал и в «Кратком летоизобразительном знаменитых и памяти достойных действий и случаев описании». // Южнорусские летописи, собранные и изданные Н.Белозерским, с.60.
- ²⁴ Симоновский П. Краткое описание о козацком малороссийском народе, с.42.
- ²⁵ летопись Г.Грабянки, с.18.
- ²⁶ [Квитка И.И.] Краткое историческое описание о Малой России, с. 1.
- ²⁷ летопись Самовидца, с.152.
- ²⁸ Там же, с. 18. Единственным оправданием для этого отступничества Хмельницкого является описанный выше союз поляков и татар.
- ²⁹ Симоновский П. Краткое описание о козацком малороссийском народе, с.42. В других версиях эти колебания Хмельницкого представляются как тактический маневр с целью выиграть время.
- ³⁰ Краткое упоминание о карательной акции российской армии см. в поздней летописи «История русов или Малой России». М., 1845, с.207. Лизогубовский летописец утверждал, что в побоище виновны были отдельные пьяные солдаты, нарушившие царские предписания – с. 47. Наиболее подробное описание взятия Батурина содержится в малораспространенной летописи Г.Покаса «Опис про Малу Росию» (отрывки опубликованы в кн. Горбань М. Нариси з історії української історіографії. Харків, 1923, ч.1).
- ³¹ Симоновский П. Краткое описание о козацком малороссийском народе, с.9.
- ³² Мыщик Ю.А. «Летописец» Дворецких – памятник украинского летописания XVIII в. // летописи и хроники. М., 1984, с.233.

³³ Грабянка Г. Действия презельной..., с. 143.

³⁴ См. Пакти й Конституції законів та вольностей Війська Запорозького. //Слюсаренко А.Г., Томенко М.В. Історія української конституції. К., 1993, с. 25-26; Орлик П. Вивид прав України ("Deduction des droits de l'Ukraine"). // Старожитності, 1990, ч. 3-4, с. 3-5.